

УДК 130:001

doi: 10.18101/1994-0866-2016-6-142-155

О РОЛИ КОНЦЕПТА «БУДУЩЕЕ» В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

© **Жигмытов Цокто Валерьевич**

аспирант, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ts.zhigmytov@mail.ru

Попытка осмысления ситуации в отечественном социальном познании приводит к заключению о необходимости нового метанарратива, «отмененного» в прошлом веке. Для его поиска и построения требуются существенные сдвиги в сознании ученых и организации науки, масштаб которых прямо пропорционален глубине кризиса, в котором находятся наша страна и человечество в целом. В качестве одного из вариантов такого метанарратива рассматривается будущее, понимаемое как каузальная совокупность всех последствий настоящего. Показаны присутствие концепта будущего в ключевых социально-философских текстах, его фундаментальная взаимосвязь с деятельностью и принятием решений. Формулируется и обосновывается предположение о том, что концепт «будущее» способен эффективно упорядочить массив социальных фактов, явлений, теорий, а также извлечь из них материал для проверяемых гипотез в гуманитарных и общественных дисциплинах.

Ключевые слова: будущее, социальное познание, концепт, метанарратив, теория, проблемы науки.

Время «великих повествований», или метанарративов, прошло уже почти полвека назад, и для обоснования этого утверждения сейчас вряд ли требуется цитата из «Состояния постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара, достаточно быть знакомым с содержанием научно-философских публикаций в области социальных наук: если их авторы и едины в чем-то, то разве что в том, что единства нет нигде, а особенно в социальном познании. Далее, одни считают, что единство необходимо реконструировать или создать заново, и ищут новую методологическую программу, полагаясь в первую очередь на достижения и методологию естественных наук («Представление о неподдающейся адекватному исчислению сложности социальных систем — не более чем мифологема» [1]; «без верификации историческими фактами любая социальная теория будет вызывать скептическое отношение к себе» [4]), другие считают, что отсутствие единства, плюриверсальность и плюритопичность — это нормально и, более того, должно приветствоваться, потому что дает шанс тем, кто ранее, в координатах западоцентричной парадигмы, считался отверженным, а то и вовсе был невидим [6]. Первые обвиняют вторых в «социально-философской эссеистике» [3] (к этому жанру, безусловно, относится и настоящий текст), а вторые указывают первым на оторванность от реальности, «подмену внимания к реальным человеческим проблемам строительством отвлеченных иерархий и таксономий, замешанных на устаревших векторных интерпретациях социального прогресса с безусловным доминированием технократизма» [5] и, по всей видимости, изначально и принципиально негодных к охвату всей сложности мира. Отдельным мотивом в хоре lamentаций по поводу состояния научной и философской мысли в социальных дисциплинах идет обвинение-признание в «провинциальности», «туземности» [8], подменяемых поня-

тиями «уникальность», «экзотика» [7; 9] (заметим, что, хотя в [7] речь идет об «эксплуатации своей инаковости» художниками, данное размышление практически без изменений можно отнести и к ученым гуманитарного и общественного профиля). Этот мотив также несвободен от гегемонии западоцентрической парадигмы, что проявляет себя в критериях оценки степени «туземности», «провинциальности», «экзотичности», или, в наиболее мягком варианте, «уникальности», «экзотичности» или «региональности» какой-либо теории; впрочем, сами эти термины, с отчетливыми оценочными коннотациями, вполне ясно очерчивают место, откуда совершается обзор: это, конечно, «столичная», западная, она же мировая и передовая наука. (Занятно, что ее агентами в России выступают вполне себе отечественные социологи, такие как М. М. Соколов и К. Д. Титаев, чья публикация в «Антропологическом форуме» в 2013 г. вызвала широкое обсуждение [10], сведшееся в конце концов к очередному раунду стенаний разной степени удрученности по поводу состояния науки в стране.)

Н. С. Розов, чья позиция также сформирована не без влияния презумпции «социальной теории всего», отмечает еще один, антитеоретический, консенсус, тесно связанный с предыдущим обсуждением: «С упорством, достойным лучшего применения, философы, представители социальных и гуманитарных наук выражают свое презрение к “позитивизму”, “мифам объективного знания”, “линейности мышления”, “абстрактным конструкциям”, “кабинетной науке” и т. д.» [11, с. 126]. Метафоры, заменяющие теорию, позволяют пережить в периоды между волнами комментаторского поклонения по отношению к зарубежным модам и веяниям, каждая из которых дискредитирует и отменяет предыдущую; основными заменителями собственной работы мысли выступают «радость узнавания» (когда в местном материале удастся обнаружить реалии, подходящие новым, модным и активно обсуждаемым понятиям в западной науке) и «разоблачение неадекватности» (сетования на то, что западные понятия, в том числе классические и широко используемые, не имеют прямых или вообще каких-либо денотатов в российской действительности). Автор беспощадно констатирует: «Анти-теоретический консенсус — лучшее самооправдание отсутствия интеллектуального творчества и лености мысли». Но если мы, похоже, уперлись в стену в вопросе «как» («как нам реорганизовать социальное познание»), то, может, имеет смысл разобрать вопрос «зачем» («зачем нам его вообще реорганизовывать»)?

Разумеется, проблемы, задачи, конфликты и столкновения в пространстве социального никуда не исчезли, просто часть из них остается, становится или сразу появляется невидимой (а значит, вообще не появляется, согласно озвученному Д. Канеманом принципу «что я вижу, то и есть» [12, с. 107]), а видимые задачи «просто» требуют каждая свою оптику, свою парадигму. Казалось бы, беспокоиться не о чем, и социальное познание реорганизовывать незачем, всего-то «для каждой проблемы своя теория», как это происходит и во многих естественных науках (по умолчанию считающихся образцом), однако беспокойство растет, и порождено оно, судя по всему, утратой ощущения контроля над событиями, пусть ощущение это и было в значительной степени иллюзорным, а контроль более чем опосредованным. Множится число контекстов и сюжетов, в которых нет и не предвидится «высшей инстанции», того самого отмененного метанарратива, а имеющиеся субституты, в первую очередь идеалы, деньги, власть

и знание, находятся под подозрением, сила которого прямо пропорциональна их претензии на общезначимость и глобальность и обратно пропорциональна той надежде, которую они могут дать. Такое подозрение далеко не всегда необоснованно: так, борьба за идеалы несет отчетливую стигму архаики, сектантства или мракобесия, несовместных со сложностью и разнообразием современной жизни; исследователи давно и убедительно пишут о «религии денег», ведущей человечество к катастрофе [13; 14]; а существование и недостижимость суперкласса в значительной степени обесмысливает борьбу за первенство и власть, «подрывая идеалы меритократии» [15, с. 111]. Что же касается знания, до сих пор понимаемого в бэконовском, индустриальном духе как «власть над миром», то «стена из текстов», вполне укрощавшая буйство реальности вплоть до середины двадцатого века, сейчас стремительно оборачивается темницей сознания, так как события все более склонны идти своим чередом за ней и мимо нее по своим, не постигнутым и не постигаемым законам, в то время как познающий субъект (кто бы он ни был) погружается в собственные языковые игры, скрываясь в них от слишком уж быстро крепнущего ветра перемен, от того, что Э. Тоффлер назвал футурошоком.

При знакомстве с оценками настроений и состояния науки в академических и университетских кругах, колеблющихся главным образом в треугольнике между благородной обреченностью, сдержанным пессимизмом и откровенным коллаборационизмом, вспоминается слово из ушедших эпох: капитулянтство (см. [17, 18, 19, 20]). Или, в более современном звучании, выученная беспомощность. И как тут, действительно, не капитулировать, когда взгляды наших «геополитических партнеров» основываются на самых продвинутых исследованиях, они делают лучшие гипотезы, у них лучше возможности их проверять, их финансирование на два порядка превосходит наше, а лучшие из нас давно уже работают с ними и говорят на их языке. Похоже, что поколение нынешних профессоров сломлено духом, утратило надежду, и этот яд они вот уже четверть века распространяют среди студентов, аспирантов и соискателей, притом зачастую даже не отдавая себе в этом отчета. Представляется, что ключевой надлом приходится на ту область их сознания, где ранее хранился и действовал тот самый метанарратив — и после краха Советского Союза (в первую очередь идейного, которое оформилось значительно раньше политического) образовавшаяся пустота оказалась заполнена симулякрами, насажденными СМИ: «демократия», «свобода», «либеральная экономика», «коррупция» и т. д.

Разбитое, разорванное сознание, загнанное за красные флажки «региональности» и «туземности», не способно опознавать проблемы в их реальной полноте, производить и принимать решения, воплощать их в жизнь; все ответы его сводятся либо к бегству, либо к неадекватности, либо к сдаче на милость победителя — которого, кстати, может и не быть вовсе (и это, на наш взгляд, одна из главных угроз будущего). Стаффорд Бир в «Мозге фирмы» пишет: «Я знал несколько фирм, доведенных до изнурения в результате неумения мобилизовать имеющиеся в их распоряжении творческие силы. Такие фирмы могут долго существовать в кризисном состоянии и, не отдавая себе в этом отчета, решительно двигаться к саморазрушению по мере того, как чувство неадекватности подавляет все другие» [16, с. 244]. Сильное и подспудное ощущение своей неадекватности реальности — один из ключевых факторов деградации волящего начала в

познании. При этом неадекватность эта либо не проблематизируется вообще, либо загоняется в рамки (около)научных и философских дискуссий, которые, по причине «академической толерантности» (читай «равнодушия»), не выводят нас в пространство решений — индивидуальных, социальных, политических, экономических: всего лишь «чьи-то мнения», не влияющие на жизнь. Характерным примером такой беспомощности научного сообщества может служить ситуация вокруг ФАНО и РАН, и если у «естественников» есть какое-то объяснение (их этому не учили и к этому не готовили), то у «гуманитариев» и тем более «общественников» никаких оправданий такой бездейственности перед лицом реальных проблем, на наш взгляд, быть не может по определению.

Именно поэтому первое, что должен сделать тот, кто по каким-то причинам решил поучаствовать в изменении этой ситуации, это безо всякой пощады осознать: наше текущее мировоззрение, все без исключения его варианты — и унаследованное имперско-советское, и насаждаемое глобально-либеральное, и виртуальное научно-технократическое, не говоря о целом девиантном зоопарке националистических, эскапистских и религиозных квазимировоззрений — принципиально и катастрофически неадекватны быстро растущей сложности мира, и каждое по отдельности, и в своей эклектической совокупности. Даже позиции обыденного здравого смысла, на которые мы фактически отброшены, и те находятся под кислотным ливнем нерелевантной информации, с которой мы опять же не умеем справляться системно; а ведь нужно начинать именно системно и *ab ovo*, причем вооружившись новыми, радикально более эффективными инструментами социального познания, так как вряд ли можно рассчитывать на то, что ситуацию можно будет постигнуть и направить теми же средствами, что ее и породили, причем в требуемый исторический срок. «Метанарратив умер, да здравствует метанарратив», потому что без него поиск теории на каждую проблему становится все менее эффективным и все более дорогостоящим, а пассивный плюрализм на этом уровне («пусть расцветают сто повествований») чреват распадом человечества на отдельные регионы, локации и, далее, субвиды: регион и люди знания (линия Запад — Китай), регион и люди денег (Запад — «азиатские тигры»), регион и люди идеалов (Ближний Восток, Северная Евразия), а также все эксплуатируемые, отверженные и невидимые в этих и остальных регионах; это и есть подлинная суть глобализации, стремительно превращающейся через «глокализацию» в «геттоизацию». Нельзя забывать о том, что хотя с точки зрения кибернетики и биологии «ничего страшного» в таком варианте развития событий нет, противостояние между любым из этих регионов, а также внутри некоторых из них, содержит реальную угрозу всему человечеству как виду, а также, согласно расчетам, нанесет критический урон биосфере [21; 22; 23] (причем противостояние не обязано быть именно ядерным и даже военным: к примеру, деградация экосистем в Китае обусловлена стремительным социально-экономическим развитием, все более принимающим форму партнерства-соперничества с США [24; 25; 26]) — к вопросу о применимости биологического или кибернетического редукционизма в общественных и гуманитарных науках.

Еще одно гипотетическое обоснование необходимости нового, адекватного реальности «великого повествования», наряду с возвратом подлинного контроля и эффективностью поиска и создания «локальных» теорий, можно сформулиро-

вать в «знаниевой» парадигме: принципиальный отказ от метанарратива, похоже, ведет к неконтролируемой утрате знания и, самое опасное, к утрате способности его производства. Историческими иллюстрациями подобного сюжета могут служить научные догадки и открытия, забытые современниками и переоткрытые много позже: идея атомизма, неевклидова геометрия, строение Солнечной системы, генетика. Нетрудно заметить, что все три приведенных обоснования, по сути, приводят к одному: «великое повествование», служащее фундаментом и рамкой постижения реальности, похоже, должно быть не только полным, цельным и индустриально точным, но и человекообразным, гуманитарным, антропо-(а не социо- или как-то еще)-мерным. В математике есть понятие «всюду плотный»: так, множество рациональных чисел всюду плотно во множестве действительных, что означает, что любое действительное число может быть приближенно рациональным с любой наперед заданной степенью точности. Человеку нужно такое «великое повествование», чтобы оно было индивидуально постижимым за разумный срок и «было всюду плотным в реальности» (как тут не вспомнить попытки «марксистских» или «диалектических» объяснений в физике и биологии — а ведь они и были отражением этой фундаментальной потребности вместить весь мир в один рассказ); иными словами, нужен метанарратив, мобилирующий творческие силы семимиллиардного человечества. Человек должен снова стать «мерой всех вещей», и это не отвлеченно-философский лозунг, а все более конкретное требование реальности: ведь, изгоняя из какой-либо сферы человека под предлогом его ограниченности, неточности и склонности к ошибкам, мы даем жизнь сущностям по определению бесчеловечным, последствия работы которых мы способны испытать только по факту их наступления, но не оценить и осознать во всей полноте.

Итак, отказ от «великих повествований», плюриверсальность, дисциплинарный декаданс, коллапсирующий западоцентризм, «слепые, ведущие слепых», стаи талевовских «черных лебедей», восстание иррациональности и ангажированность рациональности как атрибуты и последствия растущей сложности мира, в первую очередь социальной, — такова реальность, в которой мы себя обнаруживаем, и в этот раз, похоже, нам требуется не только и не столько «постнеклассический тип научной рациональности» (В. С. Стёпин) в социальном познании, но нечто еще более эффективное, отвечающее всему фронту вызовов и задач современности, концепт более высокого и более фундаментального уровня, по отношению к которому и наука, и идеология, и религия будут выступать как инструменты точно так же, как, например, алгоритмический подход подчинен и служит инструментом для эвристического. Это нужно для того, чтобы страну и человечество не постигла судьба фирм из приведенной выше цитаты С. Бира, так как даже медленное саморазрушение в результате неадекватности и неспособности мобилизовать имеющиеся творческие силы несовместимо с представлениями о достоинстве и потенциале человека. Как и биологии, в которой по-прежнему «ничто не имеет смысла, кроме как в свете эволюции» [27], социальному познанию требуется ядерный концепт, который осветит и придаст смысл массиву социальных фактов; точка опоры, позволяющая оценить социальную теорию, модель, метафору, факт, явление; гибкая, но неразрывная нить, связывающая результат и процесс познания с деятельностью и принимаемыми нами решениями.

Приступая к рассмотрению концепта «будущее» в свете этих требований, считаем необходимым сразу сделать ряд очевидных и важных замечаний. Так, отличие будущего от других абстракций высокого уровня (как, например, «любовь», «познание», «вероятность») заключается в его неизбежности: через какое-то время будущее, то или иное, предвиденное или нет, с нами или без нас, наступит. Будущее как совокупность последствий настоящего отделено от нас «всего лишь» количеством смен состояний реальности (или, иначе, временем), и в этом смысле оно значительно «ближе», или реальнее, любого другого понятия — так, любовь мы постигаем, только испытав ее самостоятельно при вполне определенных условиях, познание требует как минимум владения языком и т. д.; будущее же наступает ежесекундно и неотвратно, вне зависимости от наших усилий и мыслей о нем, мы можем до какой-то степени лишь определить, каким именно оно будет. Более того, определенные виды будущего могут быть гораздо ближе, чем значительная часть настоящего: окончание прочтения этой статьи, скорее всего, реальнее для читателя, чем самые масштабные катаклизмы, происходящие непосредственно в данный момент, но на другом конце Земли и тем более Солнечной системы. Иными словами, какая-то часть будущего реальнее, чем большая часть нашего настоящего — реальнее настолько, насколько вообще можно быть реальным; и если мы действительно исходим в своем познании из реальности (что бы это ни было), мы с необходимостью опираемся и на какую-то часть будущего.

Эта действительность, данность будущего, по нашему мнению, ощущалась мыслителями во все времена, и если не указывалась ими явно, то в той или иной форме присутствовала в рассуждениях. Платон во второй и третьей книге «Государства» много рассуждает о воспитании и влиянии различных наук на развитие философов, стражей и прочих граждан: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало и большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?». Здесь будущее предстает в желаемом образе мыслей обитателей идеального государства, и оно, разумеется, должно влиять и влияет на действия в настоящем (там же: «Я вполне согласен с этими предначертаниями и готов пользоваться ими как законами»). Ф. Энгельс в «Диалектике природы» пишет, что мы не знаем доподлинно судьбу Солнечной системы, но «мы этого не знаем в том смысле, в каком мы знаем, что $2 \times 2 = 4$ или что притяжение материи увеличивается и уменьшается соответственно квадрату расстояния. Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу насколько возможно объединяет в одно гармоническое целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый скудоумный эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше». Эта вскользь упомянутая «последовательность мысли», на наш взгляд, есть не что иное, как методологическая, концептуальная основа познания, началом которой и должен служить нами искомый ядерный концепт, а «гармоническое целое» — это, несомненно, отмененный ныне метанарратив. М. Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма», рассуждая о «расколдовывании» мира кальвинизмом, отмечает: «Жизнь “святого” была ориентирована

только на трансцендентную цель — на загробное блаженство, однако именно поэтому его посюстороннее существование было строго рационализировано и заполнено единственным стремлением — приумножить славу Божью на земле»; и снова мы видим, как представления о загробном будущем формируют настоящее. Это все та же теорема Томаса, только в приложении к будущему: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [28]; и в соответствии с ней человек, выступая агентом будущего, мыслимого им реальным, изменяет имеющееся у него настоящее. Эта же теорема позволяет надеяться, что чем полнее и адекватнее представления человека о мире, тем более предсказуемым становится будущее, и наоборот: чем лучше познано будущее, тем адекватнее человек действует и в настоящем, замыкая виток диалектической спирали развития. Мы видим, что дуальная оппозиция «настоящее — будущее» на деле являет собой открытую градуальную «... — познанное — непознанное — ...», и в этой связи интересно наблюдение А. В. Горюнова о мессианстве, которое представляет собой, по его мысли, «действие в соответствии с исторической необходимостью (законов истории, Божественного Провидения, логики судьбы и т. д.). Здесь актер рассматривает себя как исполнителя непреложной необходимости, которая, в принципе, и без его усилий проложит себе дорогу. Мессианство, как мы видим, это соединение, причем парадоксальное для современного сознания соединение активизма и фатализма» [29]. Будущее для субъекта мессианского модуса предельно ясно и несомненно реально («познано»), что дает ему опору для действий в настоящем — и крайне эффективных действий: так, одним из примеров такого соединения, по мнению автора, является протестантская концепция призвания, которая общепризнанно представляет собой духовную основу капиталистического развития.

То, чего мы не знаем, всегда расположено в будущем — вероятном, возможном, невозможном и так далее: непознанное и недоступное рано или поздно дают о себе знать, и порой самым драматическим образом. Будущее также воплощается в настоящем через принимаемые решения, осуществляемые нами выборы; мы, по сути, агенты будущего в частично освещенном им настоящем, и подлинная наша опора в «сейчас» — это парадоксальным образом именно мыслимое нами «потом»: чем лучше мы знаем и понимаем наше «завтра», тем осмысленнее и адекватнее наши действия «сегодня». Х. Ортега-и-Гассет в десятой лекции курса «Что такое философия» предельно четко сформулировал: «Жить — это постоянно решать, чем мы будем»; будущее у субъекта возникает только тогда, когда последним принимается какое-либо решение, а исчезает в тот момент, когда способность принимать решения утрачивается. Можно сказать, что жизнь вообще представляет собой машину для превращения будущего в настоящее путем «выбора» желаемых или доступных ей участков будущего (целей) и «опоры» на них в принятии решений, которые она «предъявляет» отбору, пускай на простейшем уровне такая работа жизни и ограничена ближайшими границами организма/популяции и самыми примитивными инстинктами сохранения. На фундаментальную связь между деятельностью, суть которой составляют принимаемые решения, и мыслимым актором будущим как характеристику живого указывает К. Х. Момджян: «Хорошо известно, что поведение живых организмов (равно как и их соматические реакции) инициируется и направляется особым классом ин-

формационных причин — целей, которые предпосланы действиям, вызывают их и ориентируют в предзаданном направлении» [30]. И. Т. Фролов, однако, предостерегал (на более высоком уровне отбора) от телеологического взгляда на жизнь: «Адаптивная изменчивость, ее определенная направленность является, таким образом, интегральным следствием многих случайных факторов, действующих в различных направлениях» [31]; впрочем, для социального познания спор биологов-детерминистов и сторонников телеологии (незавершенный, к слову, до сих пор) важен лишь постольку, поскольку позволяет сделать какие-либо проверяемые гипотезы: «эволюционные нарративы, безусловно, являются упрощенными “мифами”, которые имеют огорчительный (и в современных исследованиях непреднамеренный) телеологический привкус (например, «отобранный для» или, что еще хуже, «отобранный для такой-то цели»)), и все же язык этих нарративов, похоже, лучше всего подходит для описания эволюции и формулировки опровержимых гипотез, которые стимулируют дальнейшие исследования» [32, с. 473]. К. Х. Момджян далее пишет: «В наиболее сложных случаях поведенческие акты животных могут выходить за рамки рефлекторной регуляции и основываться на чувственно-конкретном мышлении, которое представляет собой способность соотносить физическое воздействие на объект операции с образом этого объекта, осуществляемые в воображаемом пространстве». Воображаемое пространство, состоящее из известной, почти известной и полностью неизвестной компонент, с необходимостью содержит мыслимое деятелем будущее: действительно, даже самая близкая цель по определению не только находится на расстоянии в пространстве, но и отделена от деятеля во времени.

Непонимание и недооценка ключевой роли будущего при принятии решений в настоящем чревато снижением их качества и в итоге целым спектром нежелательных и непредвиденных последствий, от чего не застрахованы ни конкретные люди, ни сообщества, ни целые страны. Так, С. Е. Вершинин в предисловии к исследованию философии Эрнста Блоха отмечает: «Парадоксальным образом период перестройки в СССР продемонстрировал непонимание проблемы будущего: его предлагалось искать в прошлом (многочисленные призывы к “возрождению”), или же находить в перестраивании существующего настоящего, или же в заимствовании опыта западных стран. Во всех случаях будущее выступало как не новое, не подлинное, а как уже готовое будущее. В таком случае выработка некоей общенациональной российской идеи оказывается непосредственно связанной с определенным решением проблемы образа и содержания будущего. Таким образом, эпоха перестройки высветила серьезную проблему консервативной установки массового сознания, которую можно обнаружить и адекватно проанализировать только извне» [33]. Установка эта, на наш взгляд, была и остается не столько консервативной, сколько небрежной (если не сказать неряшливой и поверхностной) по отношению к мыслимому будущему — а оно, будучи реальным, очевидно не терпит такого обращения с собой, точно так же, как законы природы быстро ставят на место тех, кто их игнорирует. Полагаем, что дальнейшее выживание человека как вида можно напрямую увязать с глубоким его осознанием своей агентности, ангажированности будущим, что является ключевым этапом в развитии не только коллективного, но и индивидуального самосознания.

Итак, будущее, понимаемое как грядущее состояние наличной реальности, связанное с ним каузально, в том числе посредством принимаемых решений, представляется весьма удобной отправной точкой для размышления и оценки. С методологической точки зрения такой подход не является абсолютно новым: так, одним из эффективных приемов в математической теории игр является анализ игры «с конца», с одного из исходов. «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, — писал Маркс в первом томе «Капитала», — вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития». С учетом упомянутого выше требования единства познания и решений это приводит нас к выводу о том, что и размышления над данной нам в настоящем реальностью резонно вести тоже в каком-то смысле *post festum*, исходя из мыслимой совокупности ее возможных последствий в воображаемом пространстве, опираясь, например, на байесовское исчисление вероятностей (где, кратко, оценки вероятностей наступления событий динамически зависят от поступающей информации об этих и связанных с ними событиях). Возвращаясь к ситуации в социальном познании, можно заключить, что любую социальную теорию, религию, идеологию следует рассматривать в первую очередь с точки зрения того, как она определяет будущее, изменяет его или отражается в нем, иначе говоря — в связи с, по отношению к и в свете концепта «будущее». Вновь вспоминая высказывание Ф. Г. Добржанского, зафиксируем нашу позицию в созвучной формулировке: будущее — это концепт, который, подобно идее эволюции в биологии, освещает и придает смысл всему массиву социальных фактов, явлений, теорий.

Неизбежность подобного подхода, который можно назвать футуроцентрическим, или другого, с теми же требованиями, становится очевидной при осознании того объема информации, который необходимо обработать и упаковать во фрактально-разворачивающуюся форму, одновременно и эффективную, и доступную обыденному познанию (на первых уровнях). Концептный подход, основанный на будущем, поможет упорядочить факты, явления, теории, и, полагаем, даст материал для хороших гипотез, свяжет познание с принятием решений, что должно повысить их качество. Как мы указывали в предыдущих публикациях [34], способ опознания проблем совместно с типовым набором способов их решения, объединенные понятием когнатуры, решающим образом определяют динамику и траекторию развития социального субъекта (в более знакомых терминах можно сказать, что когнатура представляет собой единство метанарратива и языка). Развитие же, понимаемое как адекватное усложнение в ответ на опознанные вызовы, является категорическим условием существования любой сущности, способной произвольно менять свои состояния (принимать решения). Похоже, что подходы выстраиваются в иерархию, начиная от нижнего: частное решение — алгоритм — эвристика — метанарратив. Эвристика использует алгоритмы как инструмент и сама служит инструментом для метанарратива, который совершенно точно должен исходить из выживания и бессмертия человечества как вида, допускать и стремиться в перспективе к выживанию и бессмертию человека как индивидуума (среди прочего), предвидеть и описывать основные последствия и взаимообусловленности этих двух бессмертий и т. д. Например, из тре-

бования выживания человечества как вида практически сразу вытекает требование не-снижения (а лучше роста) разнообразия и сложности, а также требование наилучшего понимания того, что мы собой представляем.

Все это вещи очевидные, и вопрос давно уже стоит в плоскости практического воплощения: кто и как будет осуществлять концептуализацию социального познания настоящим образом? Ведь «утопичен не сам идеал, а мыслимый нами способ его соотнесения с реальностью» [35], и для устранения этой утопичности ученому требуется буквально вытащить себя за волосы, подобно барону Мюнхгаузену, из болота «явно данных», «насущенных», «актуальных» и «практических» задач, увидеть подступающую реальность сквозь морок рейтинг, индексов, социальных связей, привычек, традиций и публикационной активности. Возможно ли это в ситуации, что была описана в начале данной статьи? Мы считаем, что да, и надежда заключается в том, что эскапизм, неадекватность и коллаборационизм в социальном познании не являются необходимыми и неизбежными, а порождены ограничениями человеческого сознания, его не-сложностью, его тягой к привычным упрощениям, которая, как считает А. И. Фурсов, может быть результатом массовой психоисторической травмы. «Выброс сложности» на графике решений (С. Бир) означает, что либо проблема изменилась, либо какие-то решения в прошлом были ошибочными, либо и то, и другое — так или иначе, требуется повышенная по сравнению с нынешним состоянием тревожного сна сознательная и коллективная работа разума. Главный изъян ситуации заключается в том, что осознание и воплощение этой необходимости не имеют системного характера в научном сообществе: Н. С. Розов (макросоциология и теоретическая история), З. А. Кучкаров (концептуальные методы), А. В. Горюнов (социальное прогнозирование), К. Х. Момджян (основания социальной философии), М. В. Попов (марксизм) и многие другие, такое впечатление, работают в параллельных пространствах, не пересекающихся ни между собой, ни с пространством принятия решений, в состоянии (аттракторе?) «устойчивого взаимного равнодушия», отмеченного Н. С. Розовым в [10]. «Хорошая» новость же, на наш взгляд, состоит в том, что все «кирпичные стены» предопределенностей и непреодолимостей находятся только в нашем сознании, и настоящая работа над будущим и на будущее человека начнется именно с него.

Литература

1. Разумов В. И., Сизиков В. П. Специфика объекта и метода социальной теории // *Личность. Культура. Общество*. — 2008. — Т. X, № 3–4(42–43). — С. 107–117.
2. Разумов В. И., Сизиков В. П. Новая эпоха и философия: от проблематизаций к интуициям и синтезу // *Идеи и идеалы*. — 2015. — Т. 1, № 4(26). — С. 57–68.
3. Разумов В. И. Нужна ли нам действительно социальная теория или продолжим заниматься социально-философской эссеистикой? Ответ моим рецензентам // *Личность. Культура. Общество*. — 2010. — Т. XII, № 1(53–54). — С. 104–107.
4. Орехов А. М. Социальная теория: к проблеме самоопределения и структуры // *Личность. Культура. Общество*. — 2006. — № 4(32). — С. 82–94.
5. Тлостанова М. В. «Общество рабов» В. И. Разумова и «Институциональная кошка» А. М. Орехова, или Зачем нужна социальная теория, и какая? // *Личность. Культура. Общество*. — 2009. — Т. XI, № 4(51–52). — С. 130–135.
6. Тлостанова М. В. Проблема человека в постконтинентальной философии // *Вопросы социальной теории*. — 2015. — Т. 7, № 1–2. — С. 73–95.

7. Шенталь А. Мадина Тлостанова: «Колониальность переживет колониализм» (интервью) [Электронный ресурс] // Теория и практика. — URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (дата обращения: 20.09.2016).
8. Соколов М. М., Титаев Т. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. — 2013. — № 19. — С. 239–275.
9. Розов Н. С. «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании // Социологический журнал. — 2016. — Т. 22. — № 1. — С. 8–25.
10. Форум «Провинциальная и туземная наука» (обсуждение статьи М. М. Соколова и К. Д. Титаева) / А. Г. Бермус [и др.] // Антропологический форум. — 2013. — № 19. — С. 9–236.
11. Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории. — Новосибирск: Манускрипт, 2016. — 344 с.
12. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. — М.: АСТ, 2014. — 656 с.
13. Неведимов Д. Религия денег, или Лекарство от рыночной экономики // Новый социализм XXI век [Электронный ресурс]. — URL: <http://novsoc.ru/nevedimov-religiya-deneg/> (дата обращения: 20.09.2016).
14. Катасонов В. Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. — М.: Кислород, 2013. — 408 с.
15. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. — М.: Аст, Астрель, 2010. — 475 с.
16. Бир С. Мозг фирмы. — 3-е изд. — М.: Либроком, 2009. — 416 с.
17. Механик А. Престиж могущества и наука // Эксперт-Онлайн [Электронный ресурс]. — URL: <http://expert.ru/expert/2015/28/prestizh-moguschestva-i-nauka/> (дата обращения: 20.09.2016).
18. Кузнецов А. Российские ученые начинают акции протеста // Профиль [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.profile.ru/obsch/item/110280-rossijskie-uchenye-nachinayut-aktsii-protesta> (дата обращения: 20.09.2016).
19. Замглавы РАН: нынешние тенденции в управлении наукой создают большие риски // РИА Новости [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/interview/20160819/1474792035.html> (дата обращения: 20.09.2016).
20. От перемены министра курс не меняется? / Б. Штерн [и др.] // Троицкий вариант — Наука [Электронный ресурс]. — URL: <http://trv-science.ru/2016/08/23/ot-pereмены-ministra-kurs-ne-menyaetsya/> (дата обращения: 20.09.2016).
21. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. — М.: Аграф, 1998. — 480 с.
22. Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. — М.: Наука, 1985. — 272 с.
23. Макарьева А. Чтоб не обрушить мирозданье // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/16294/> (дата обращения: 20.09.2016).
24. Колпакова Т. В., Капишникова В. А. Проблема ухудшения здоровья населения КНР как следствие экологического кризиса // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. — 2016. — № 17. — С. 93–96.
25. Созинова С. С., Колпакова Т. В. Агроэкологическая проблема в КНР // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. — 2016. — № 17. — С. 96–99.
26. Балашова А. А. Особенности использования угля в Китае и возможные пути снижения негативного воздействия на окружающую среду // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 5(62). — С. 92–96.
27. Dobzhansky Th. Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution // The American Biology Teacher. — 1973. — № 35 (March). — P. 125–129.
28. Хаустов Д. С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи // Идеи и идеалы. — 2014. — № 3(21). — С. 38–45.

29. Горюнов А. В. Модальные формы представлений о будущем // Идеи и идеалы. — 2011. — Т. 2, № 4(10). — С. 33–40.
30. Момджян К. Х. Процесс принятия решений и его место в деятельности людей // Альманах Пространство и Время (Электронное научное издание). — 2015. — Т. 9, № 2. — 10 с.
31. Фролов И. Т. Детерминизм и телеология // Вопросы философии. — 1958. — № 2. — С. 35–49.
32. Кунин Е. В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. — М.: Центрполиграф, 2014. — 527 с.
33. Вершинин С. Е. Жизнь — это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. — Екатеринбург: Изд-во Гум. ун-та, 2001. — 304 с.
34. Жигмытов Ц. В., Сандакова Л. Г. Развитие общества и задачи социальной когнитивистики // Идеи и идеалы. — 2016. — № 4 (в печати).
35. Горюнов А. В. Общественный идеал в когнитивной структуре проекта // Общество: философия, история, культура. — 2014. — № 2. — С. 8–12.

ABOUT THE ROLE OF THE CONCEPT OF "FUTURE" IN SOCIAL KNOWLEDGE

Tsokto V. Zhigmytov

Research Assistant, Department of Philosophy, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Trying to understand the situation in Russian social knowledge leads to the conclusion, that there is the necessity of a new metanarrative, which has been "abolished" in the last century. For its research and formation the significant changes in the minds of scientists and science organization are required, the scale of these changes are directly proportional to the depth of crisis in our country and in the whole world. We consider the future as one of the variants of this metanarrative, the concept of future is understood as a set of all causal consequences of the present. The article reveals the presence of this concept in key social and philosophical texts, as well as its fundamental relationship with the activities and decision-making. We have formulated and justified the assumption that the concept of "future" can effectively organize the flow of social facts, events, theories, and also take out from them the material for testable hypotheses in the humanities and social sciences.

Keywords: future, social knowledge, concept, metanarrative theory, problems of science.

References

1. Razumov V. I., Sizikov V. P. Spetsifika ob'ekta i metoda sotsial'noi teorii [The Specifics of the Object and Method of Social Theory]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*. 2008. — V. 10. No. 3–4 (42–43). Pp.107–117.
2. Razumov V. I., Sizikov V. P. Novaya epokha i filosofiya: ot problematizatsii k intuitsiyam i sintezu [A New Era and Philosophy: from Problematization to Intuition and Synthesis]. *Idei i idealy — Ideas and Ideals*. 2015. V. 1. No. 4 (26). Pp. 57–68.
3. Razumov V. I. Nuzhna li nam deistvitel'no sotsial'naya teoriya ili prodolzhim zanimat'sya sotsial'no-filosofskoi esseistikoi? Otvet moim retsenzentam [Do We Need a Truly Social Theory or Will Continue to Engage in Social and Philosophical Essays? The Answer to My Reviewers]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*. 2010. V. 12. No. 1 (53–54). Pp. 104–107.
4. Orekhov A. M. Sotsial'naya teoriya: k probleme samoopredeleniya i struktury [Social Theory: To the Problem of Self-Determination and Structure]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*. 2006. No. 4 (32). Pp. 82–94.

5. Tlostanova M. V. «Obshchestvo rabov» V. I. Razumova i «Institutsional'naya koshka» A. M. Orekhova, ili Zachem nuzhna sotsial'naya teoriya, i kakaya? ["The Society of Slaves" by V. I. Razumov and A. M. Orekhov's "Institutional Cat", or Why Do We Need Social Theory, and What Kind of?]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*. 2009. V. 11. No. 4 (51–52). Pp.130–135.
6. Tlostanova M. V. Problema cheloveka v postkontinental'noi filosofii [The Problem of the Human in Post-Continental Philosophy]. *Voprosy sotsial'noi teorii — Problems of Social Theory*. 2015. V. 7. No. 1–2. Pp. 73–95.
7. Shental' A. Madina Tlostanova: «Kolonial'nost' perezhivet kolonializm» (interv'yu) [Madina Tlostanova: "Coloniality Will Outlast Colonialism" (interview)]. *Teoriya i praktika — Theory and Practice*. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (accessed September 20, 2016).
8. Sokolov M. M., Titaev T. D. Provintsial'naya i tuzemnaya nauka [Provincial and Indigenous Science]. *Antropologicheskii forum — Anthropological Forum*. 2013. No. 19. Pp. 239–275.
9. Rozov N. S. «Provintsializm», «tuzemstvo» i faktory intellektual'noi «stolichnosti» v sotsial'nom poznanii ["Provincialism", "Indigenosity" and the Factors of Intellectual "Capitalness" in Social Cognition]. *Sotsiologicheskii zhurnal — Journal of Sociology*. 2016. V. 22. No. 1. Pp. 8–25.
10. Bermus A. G. et al. Forum «Provintsial'naya i tuzemnaya nauka» (obsuzhdenie stat'i M. M. Sokolova i K. D. Titaeva) [Forum "Provincial and Indigenous Science" (discussion of the article by M. M. Sokolova and K. D. Titaeva)]. *Antropologicheskii forum — Anthropological Forum*. 2013. No. 19. Pp. 9–236.
11. Rozov N. S. *Idei i intellektualy v potoke istorii* [Ideas and Intellectuals in the Flow of History]. Novosibirsk: Manuskript Publ., 2016. 344 p.
12. Kaneman D. *Dumai medlenno... reshai bystro* [Think Slow ... Decide Quickly]. Moscow: AST Publ., 2014. 656 p.
13. Nevedimov D. *Religiya deneg, ili Lekarstvo ot rynochnoi ekonomiki* [The Religion of Money or Medicine from the Market Economy]. *Novyi sotsializm XXI veka — New Socialism of the 21st Century*. Available at: <http://novsoc.ru/nevedimov-religiya-deneg/> (September 20, 2016).
14. Katasonov V. Yu. *Religiya deneg. Dukhovno-religioznye osnovy kapitalizma* [The Religion of Money. Spiritual and Religious Foundations of Capitalism]. Moscow: Kislorod Publ., 2013. 408 p.
15. Rothkopf D. *Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making*. Moscow: AST, Astrel Publ., 2010. 475 p.
16. Beer S. *Brain of The Firm*. 2nd ed. John Wiley & Sons edition, 1972.
17. Mekhanik A. *Prestizh mogushchestva i nauka* [The Prestige of Power and Science]. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/28/prestizh-mogushchestva-i-nauka/> (September 20, 2016).
18. Kuznetsov A. *Rossiiskie uchenye nachinayut aktsii protesta* [Russian Scientists Begin to Protest]. Available at: <http://www.profile.ru/obsch/item/110280-rossijskie-uchenye-nachinayut-aktsii-protesta> (September 20, 2016)
19. Zamglavy RAN: nyneshnie tendentsii v upravlenii naukoj sozdayut bol'shie riski [Deputy Head of RAS: The Current Trends in Science Management Create Great Risks]. *RIA Novosti — RIA News*. Available at: <https://ria.ru/interview/20160819/1474792035.html> (September 20, 2016).
20. Shtern B. et al. Ot peremeny ministra kurs ne menyaetsya? [By Change of Minister the Course is not Changed?]. *Troitskii variant – Nauka — Troitsky Variant – Science*. Available at: <http://trv-science.ru/2016/08/23/ot-peremeny-ministra-kurs-ne-menyaetsya/> (September 20, 2016).

21. Moiseev N. N. *Rasstavanie s prostotoi* [Breakup with Simplicity]. Moscow: Agraf Publ., 1998. 480 p.
22. Moiseev N. N., Aleksandrov V. V., Tarko A. M., Moiseev N. N. *Chelovek i biosfera* [Man and the Biosphere]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p.
23. Makar'eva A. Chtob ne obrushit' mirozdan'e [Not to Bring down the Universe]. *Nauka i zhizn' — Science and Life*. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/16294/> (September 20, 2016).
24. Kolpakova T. V., Kapishnikova V. A. Problema ukhudsheniya zdorov'ya naseleniya KNR kak posledstvie ekologicheskogo krizisa [The Problem of Deterioration of China's Population Health as a Consequence of Environmental Crisis]. *Rossiya i Kitai: Problemy strategicheskogo vzaimodeistviya — Russia and China: The Problems of Strategic Cooperation*. 2016. No. 17. Pp. 93–96.
25. Sozinova S. S., Kolpakova T. V. Agroekologicheskaya problema v KNR [The Agroecological Problem in China]. *Rossiya i Kitai: Problemy strategicheskogo vzaimodeistviya — Russia and China: The Problems of Strategic Cooperation*. 2016. No. 17. Pp. 96–99.
26. Balashova A. A. Osobennosti ispol'zovaniya uglia v Kitae i vozmozhnye puti snizheniya negativnogo vozdeistviya na okruzhayushchuyu sredu [The Features of Coal Use in China and Possible Ways to Reduce the Negative Impact on the Environment]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' — National Interests: Priorities and Security*. 2010. No. 5 (62). Pp. 92–96.
27. Dobzhansky Th. Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution. *The American Biology Teacher*. 1973. No. 35 (March). Pp. 125–129.
28. Khaustov D. S. Teorema Tomasa: zhizn' odnoi idei [Thomas Theorem: The Life of One Idea]. *Idei i idealy — Ideas and Ideals*. 2014. No. 3 (21). Pp. 38–45.
29. Goryunov A. V. Modal'nye formy predstavlenii o budushchem [Modal Forms of Ideas about the Future]. *Idei i idealy — Ideas and Ideals*. 2011. V. 2. No. 4 (10). Pp. 33–40.
30. Momdzhyan K. Kh. Protssess prinyatiya reshenii i ego mesto v deyatel'nosti lyudei [Decision-Making Process and Its Place in Human Activity]. *Al'manakh Prostranstvo i Vremya — Space and Time Almanac*. 2015. V. 9. No. 2. 10 p.
31. Frolov I. T. Determinizm i teleologiya [Determinism and Teleology]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*. 1958. No. 2. Pp. 35–49.
32. Kunin E. V. *Logika sluchaya. O prirode i proiskhozhdenii biologicheskoi evolyutsii* [The Logic of Chance. The Nature and Origin of Biological Evolution]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2014. 527 p.
33. Vershinin S. E. *Zhizn' — eto nadezhda: Vvedenie v filosofiyu Ernsta Blokha* [Life is a Hope: An Introduction to the Philosophy of Ernst Bloch]. Ekaterinburg: Humanitarian University Publ., 2001. 304 p.
34. Zhigmytov Ts. V., Sandakova L. G. Razvitie obshchestva i zadachi sotsial'noi kognitivistiki [The Development of Society and The Problem of Social Cognitive Science]. *Idei i idealy — Ideas and Ideals*. 2016. No. 4 (in print).
35. Goryunov A. V. Obshchestvennyi ideal v kognitivnoi strukture proekta [Social Ideal in the Cognitive Structure of a Project]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura — Society: Philosophy, History, Culture*. 2014. No. 2. Pp. 8–12.